

АИМГУЛЬ КАЗКЕНОВА / AIMGUL KOZKENOVA

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5169-1548>

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ЕКАТЕРИНА РАХИЛИНА / EKATERINA RAKHILINA

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7126-0905>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

РУССКАЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ СТУДЕНТОВ-КАЗАХОВ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО УЧЕБНОГО КОРПУСА: ГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ¹

Russian Written Speech of Kazakh Students in the Reflection of Russian Learner Corpus: Verbal Prefixation

Ключевые слова: русский язык в Казахстане, русский учебный корпус, билингвизм, значение начинательности, глагольная префиксация

KEYWORDS: Russian language in Kazakhstan, Russian Learner Corpus, bilingualism, inceptivity, verbal prefixation

ABSTRACT: The article describes Russian Learner Corpus as a tool for the study of Russian of bilingual Kazakh students through the example of their written texts. The article is focused on the markers of inceptivity and verbal prefixation patterns in these texts. It examines the deviations from Standard Russian, caused by the influence of Kazakh, as well as by some other strategies of linguistic behavior of Kazakh-Russian bilinguals. The main mismatch between Russian and Kazakh is due to the fact that Kazakh (like other Turkic languages) lacks prefixal verbs, so that the semantic impact of the Russian prefixes is transferred to other means and is expressed with the help of different strategies – mainly, by periphrastic biverbal constructions. On another level, corpus data analysis can specify the semantic differences between similar aspectual units in Russian viewed through linguistic patterns used by Kazakh bilingual speakers.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»). Авторы выражают глубокую признательность рецензентам за конструктивные замечания и рекомендации.

Условные обозначения: I – 1-ое лицо; ACC – аккумулятив (винительный падеж); CVB – сонверб (деепричастие); DAT – датив (дательный падеж); PST – прошедшее время; SG – единственное число.

1. Вводные замечания

Русский учебный корпус (Russian Learner Corpus, RLC) создан в Лаборатории по корпусным исследованиям НИУ «Высшая школа экономики» в 2013 году и в настоящее время продолжает пополняться и совершенствоваться. Он объединяет в себе устные и письменные тексты студентов, прежде всего изучающих русский язык как иностранный, но также носителей эритажного русского, и позволяет отслеживать отклонения от стандартной русской речи по целому ряду параметров.

В настоящее время в корпусе в разной степени представлены тексты носителей 15 доминантных языков, в том числе казахского.

Однако место казахского языка в списке доминантных языков особое, поскольку способ овладения русским языком у данной категории говорящих иной, нежели у иностранцев или эритажных носителей: в Казахстане русский язык выполняет функции официального языка, имеет широкое распространение, а также является одним из языков обучения и обязательным предметом изучения в школах и вузах.

В качестве информантов выступили студенты вузов г. Алматы – выпускники казахских школ. На текущий момент объем казахского подкорпуса RLC составляет около 100 тыс. словоупотреблений².

Разметка отклонений в студенческих текстах позволяет обнаружить интересные тенденции и закономерности в русской речи билингвов-казахов. В частности, в данной статье мы хотим поделиться некоторыми наблюдениями над употреблением глаголов. Во-первых, мы покажем, как выражается значение начала действия, а, во-вторых, рассмотрим, как и почему смещается выбор приставок в глагольных контекстах. Выбор этих сюжетов в некоторой степени обусловлен их контрастностью. В первом случае билингв должен выбрать одно из имеющихся в языке средств выражения некоторого значения. Во втором случае он оперирует языковыми единицами, не имеющими формальных аналогов в родном языке.

2. Выражение значения начала действия

Начинательность (инхоативность / инцептивность / ингрессивность) является одним из способов глагольного действия, характеризующим его начальную фазу и входящим в каноническую оппозицию «начало – длительность – завершение».

²Тексты для казахского подкорпуса начала собирать с 2014 г. Р. Т. Касымова. В настоящее время сбор текстов ведут Р. Т. Касымова, А. К. Казкенова, Г. А. Каламбаева, Ф. Т. Еламанова, разметка осуществляется Р. Т. Касымовой и А. К. Казкеновой.

Казахский и русский языки наглядно иллюстрируют, как принципиально по-разному эта триада может получать языковое выражение.

В казахском языке фазы действия выражаются аналитически – с помощью сочетаний деепричастий (конвербов) и вспомогательных глаголов, например: *сөйлеу бастау* ‘заговорить’ – *сөйлей беру* ‘продолжать говорить’ – *сөйлеп болу* ‘закончить говорить’.

Что касается организации поля аспектуальности, то общепринятым для казахской грамматики можно считать следующее утверждение:

Отсутствие грамматической категории вида восполняется разветвленной сетью способов действия и развитой системой временных и модальных форм, совокупность которых способна передавать тончайшие оттенки характера протекания обозначаемого действия» (Ахметжанова 2005, 151)³.

Напротив, в русском языке имеются как синтетические, так и аналитические средства выражения фазовости. При этом фазовость тесно связана с категорией вида. Так, основным способом выражения континуатива (продолжающегося действия) являются глаголы несовершенного вида (*цвести*), тогда как синтетические средства выражения начала и конца действия – это глаголы совершенного вида (*зацвести*, *отцвести*) (Бондарко 2003; 2005, 231–232; Исаченко 2003, 216–218; Маслов 1984, 54–59; Мельчук 1998, 137–138; Милославский 1981, 176–179; Храковский 2003) и др.

В казахском языке начинательность выражается сочетаниями деепричастий на *-а (-е, -й) + бастау / жөнелу*, деепричастий на *-п + жіберу / сала беру / жүре беру / қоя беру*, *DAT + кірісу*, различающимися смысловыми, модальными, стилистическими оттенками (Оралбаева 1975, 104–106; Ахметжанова 2005, 151–153). При этом деепричастие на *-а (-е, -й) + бастау* (‘начинать / начать’) – основной и нейтральный способ выражения начинательности в казахском языке (Сайкиев 1973, 238; Ахметжанова 2005, 151).

В русском языке в наиболее чистом виде начинательное значение выражают глаголы с префиксом *за-* (*заговорить*, *зарыдать*) и сочетание *начать + инфинитив*. По-видимому, при допустимой взаимной замене приставочного глагола и конструкции *начать + инфинитив* носитель русского языка предпочитает использовать приставочный глагол. Н. М. Стойнова, сопоставив частотность использования более чем 200 примеров глаголов с *за-* и конструкций *начать + инфинитив* соответствующих бесприставочных глаголов в НКРЯ, приходит к выводу: «для выборки глаголов, которые имеют частотные дериваты на *за-*, лишь для 5% глаголов частотность деривата

³ О дискуссии по поводу наличия/отсутствия глагольного вида в казахском языке (шире – в тюркских языках) см.: Сайкиев 1973, 214–227.

на *за-* составляет менее 80% от суммарной частоты этого деривата и сочетания с *начать*» (Стойнова 2017, 55).

При этом данные способы могут отличаться по параметру гомогенности / гетерогенности описываемого действия: для описания простых, гомогенных ситуаций выбирается префиксальный глагол, для описания более сложных, состоящих из нескольких этапов ситуаций – аналитическая конструкция: *Зазвонил колокол. – *Она зазвонила по телефону.* (Зализняк/Шмелев 2000, 107сл.).

Другие средства выражения начинательности в русском языке имеют разного рода «приращения» к основному значению. В частности, это относится к приставкам: «...каждая приставка, представляющая начинательный способ действия, имеет свои особенности и содержит специфические семантические нюансы» (Кронгауз 1998, 109). Так, в глаголах с *по-* (в глаголах одноподвижного движения *побежать, поплыть* и глаголах восприятия и внутреннего состояния *понравиться, почудиться*) значение начинательности ослаблено: данные глаголы описывают не столько начало действия или состояния, сколько самостоятельное событие (Зализняк/Шмелев 2000, 109–110)⁴. Кроме того, в определенных контекстах (например, в сочетании в обстоятельстве цели) глаголы движения с *по-* утрачивают начинательное значение, становясь членами видовых пар: *ехать в Москву / поехать в Москву* (Маслов 1984, 56; Исаченко 2003, 320).

Что касается аналитических средств, то между ними также не наблюдается полной синонимии:

Начать Р делает акцент на фазовой структуре Р, [...] тогда как для *стать-2*⁵, демонстрирующего большую семантическую спаянность с предикатом, выраженным инфинитивом, фазовая структура события нерелевантна, внимание же акцентируется на контрасте между той временной зоной, когда Р имеет место, и предшествующей ей зоной, когда Р не имеет места» (Короткова/Сай 2006, 97–98).

В силу этих особенностей *стать* (в будущем времени) + *инфинитив* обнаруживает параллели с аналитическим будущим временем (Стойнова 2016). Семантические особенности отражаются в целом ряде сочетаемостных различий между *начать* + *инфинитив* и *стать* + *инфинитив* (Храковский 2003, 165; Сай/Короткова 2006, 98/99).

Различия в выражении начинательности в двух языках – казахском и русском, отсутствие полной синонимии между средствами выражения данного значения в русском языке обуславливают возникновение затруд-

⁴ Ср. также: «достижение результата в процессе возникновения действия» (Шведова 1980, 595).

⁵ Авторы статьи противопоставляют начинательный глагол *стать-2* глаголу *стать-1* со значением изменения положения в пространстве.

нений при использовании соответствующих средств русского языка студентами-казахами.

Рассмотрим следующий пример из RLC:

- (1) бабушки дома не было
- (2) [я **начала бежать** обратно], когда я пришла домой папа уже очнулся, но он ничего не помнил
- (3) [я села на пол и обратно, но громко **начала плакать**].

Содержание фрагментов (2) и (3) по-казахски передается следующим образом:

- (4) мен арт-қа қарай жүгір-е жөнел-ді-м⁶я задняя. сторона-DAT
по. направлению бежать-CVB отправиться-PST-1SG
'я в обратном направлении побежала (букв. побеговав, отправилась)'
- (5) мен еден-ге отыр-ып, қайтадан қатты жыла-й баста-ды-м.
я пол-DAT сесть-CVB повторно сильно плакать-CVB начать-PST-1SG
'я, на пол сев, снова сильно начала плакать (букв. плача, начала)'

Очевидно, что сочетанию *начала бежать* в примере (1а) в стандартном русском языке соответствует форма глагола направленного движения *побежала*. Предпочтение приставочному глаголу в данном контексте объясняется тем, что в нем имеется указание на цель движения (*обратно*) и важен сам факт совершения действия.

Что касается конструкции *начать бежать*, то НКРЯ подтверждает ее редкость в русском языке: в основном корпусе зафиксировано лишь три вхождения (при том, что *побежать* встречается в 20420 вхождениях), например:

- (6) Он остановился – будто кто-то невидимый с силой дернул за руку, тогда, на Габае, это был Володька – и понял, что надо вернуться к тому месту, откуда начал бежать (Ю. Трифионов, *Исчезновение*).

Здесь, в отличие от (2), *начал бежать* акцентирует внимание именно на начальной фазе движения и исходной точке движения. Во фрагменте (3) с конструкцией *начала плакать* связано нарушение естественного для носителей русского языка выбора – выбора приставочного глагола *заплакать*⁷.

⁶ З. К. Ахметжанова значение «импетивной» конструкции *деепричастие на -а (-е, -й) + жөнелу* описывает как «значение стремительного начала действия» и отмечает, что образование данной конструкции характерно для глаголов движения (Ахметжанова 2005, 152).

⁷ В основном корпусе НКРЯ *заплакать* представлено в 11463 вхождениях, *начать плакать* – в 187, *стать плакать* зафиксировано в 207 вхождениях.

Вообще говоря, конструкцию *начать/начинать* + *инфинитив* казахско-русские билингвы используют довольно часто⁸. В текстовом фрагменте казахского подкорпуса RLC (около 100 тыс. словоупотреблений) содержится 67 примеров ее использования, тогда как конструкция *стать* + *инфинитив* представлена только в 10 случаях.

По-видимому, распространенность *начать* + *инфинитив* в русской речи казахов объясняется полным семантическим соответствием казахского глагола *бастау* русскому *начать*. Значение других казахских вспомогательных глаголов с начинательным значением также может передаваться в русской речи казахов глаголом *начать*. Напротив, выбор приставочных глаголов для казахско-русских билингвов сопряжен с серьезными затруднениями (см. об этом ниже). Для глагола *стать* выбор такого же, как и для *бастау*, однозначного соответствия в казахском языке проблематичен: в разных контекстах и в разных значениях ему могут соответствовать *тұру*, *болу*, *кірісу*.

Будучи проявлением влияния родного языка, конструкция *начать* + *инфинитив* в русской речи казахов не представляет собой калькирования в чистом виде, поскольку в данном случае сохраняется структура именно русской конструкции, а не казахской (напомним, что в казахском языке это *деепричастие на -а (-е, -й) + бастау*); ср. «не-кальки» в (Выренкова и др. 2014).

3. Приставочные глаголы

Приставочные глаголы русского языка представляют особую трудность для казахско-русских билингвов, поскольку в родном языке приставки фактически отсутствуют, а их значение передается при помощи вспомогательных глаголов⁹.

Корпус отражает множество фактов нестандартного употребления приставочных глаголов, очевидно вызванных разными причинами. Мы остановимся лишь на двух наиболее частотных случаях: 1) выбор приставки является следствием нетривиальной концептуализации ситуации, обозначаемой глаголом; 2) выбор приставочного глагола разрушает конструкцию, в состав которой он включен. В первом случае выбор приставки связан с тем, как билингв интерпретирует способ действия и подбирает соответствующие средства выражения. При этом выбор говорящего может осложняться как

⁸ Предпочтение аналитических способов выражения смысла, в частности значения начинательности, в целом характерно для не-носителей русского языка (см. Познякова 2006, 635).

⁹ О переводе русских приставочных глаголов на казахский язык как методическом приеме см.: Маркова 1975, 64; Турсунов 1964, 20.

многозначностью русских префиксов, так и их семантической близостью. В результате наблюдается своеобразное «склеивание» префиксов. Ср.:

- (7) Несколько остановок переехала, и с трудом нашла здание и боялась опаздывать.

В русском языке с выбором приставки *про-* могут быть связаны две разные интерпретации пространства: как точки и как отрезка (Кронгауз 1998, 145-150). Первая интерпретация актуализирует «идею пропуска» (8), вторая – «идею преодоления пространства» (9):

- (8) Встрепенулся. Проехал остановку, где должен был слезть (В. Набоков, *Катастрофа*).
 (9) Он проехал несколько остановок на автобусе и вышел, угадав мой маршрут вдоль водоема (П. Сиркес, *Труба исхода*).

Кажется, что в примере (7) автор-билингв пытается совместить эти две идеи (*переехать несколько остановок* ‘отдалиться от цели на расстояние, равное сумме интервалов между несколькими остановками’), выбирая для выражения этого значения префикс *пере-*, способный в составе глагольного слова выражать значение «с нежелательно большей длительностью и интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом» (Шведова 1980, 365).

Отчасти в примере (7) можно усматривать и влияние родного языка билингва, в котором преодоление пространства выражается с помощью глагола *оту* (‘проходить/переходить’), а пропуск цели движения – *отип кету* (букв: ‘проходя/переходя, удалиться’).

Во втором рассматриваемом нами случае приставочный глагол разрушает конструкцию, в которую он встроен. Между тем через «привязку» (зачастую жесткую) к конструкциям хорошо диагностируются тонкие смысловые различия между префиксальными глаголами, см. описание конструкционного профиля глаголов *нагрузить*, *загрузить*, *погрузить* – «естественных перфективов» глагола *грузить* (Янда 2012, 25-30). Рассмотрим в качестве иллюстрации предложение:

- (10) Девчонки оказывается уже позвали скорую.

В конструкции *вызвать скорую* (от *вызвать скорую помощь*) замена глагола не желательна, потому что она разрушает жесткие связи конструкции *вызвать* + АСС.

Нестандартный выбор глагола во многом обусловлен влиянием родного языка: казахское слово *шақыру*, «покрывая» довольно обширную семантическую зону, соотносится с целым рядом русских глаголов. Ср.: *жедел жардем*

шақыру ('вызывать / вызвать скорую помощь'), *қонаққа шақыру* ('приглашать / пригласить в гости'), *сотқа шақыру* ('вызывать / вызвать в суд'), *үйге шақыру* ('звать / позвать домой') и т.д.

Однако и в русском языке есть предпосылки для выбора глагола *позвать*. Во-первых, это семантическое давление конструкции *позвать на помощь* (вызов скорой помощи – это обращение <к врачам> за помощью). Во-вторых, для вызова скорой помощи подается сигнал (телефонный звонок) со стороны нуждающегося в ней; ср. толкование видового коррелята *звать*: «голосом, жестом приглашать приблизиться, подойти или откликнуться» (Евгеньева 1985, 600). Напротив, глагол *вызвать* ассоциируется скорее с регистром официального общения, не столько с просьбой, сколько с требованием явиться куда-либо или к кому-либо, например: *вызвать подчиненного к начальнику*, *вызвать родителей ученика в школу*, *вызвать в суд* и т.д.

Соответственно, выбор глагола *позвать* может быть оценен как более мотивированный и не противоречащий той ситуации, для описания которой он выбирается. Допустимость такого обоснования подтверждается тем, что в НКРЯ можно обнаружить примеры, аналогичные (10):

- (11) Нужно было позвонить по телефону и позвать «скорую помощь», но в доме не было телефона (Ю. Дружков (Постников), *Приключения Карандаша и Самоделкина*).

Как видим, употребление приставочных глаголов с точки зрения казахско-русских билингов может быть осложнено как особенностями выражения способов действия при помощи приставок, так и соотносительностью русских префиксальных глаголов с одним многозначным глаголом казахского языка, а, кроме того, «привязкой» префиксальных глаголов к тем или иным конструкциям.

4. Выводы

Русский учебный корпус (а точнее, его казахский подкорпус) позволяет увидеть тенденции, отличающие русскую речь билингов с доминантным казахским языком. В основе этих тенденций лежат отклонения, возникающие под влиянием родного языка, но они далеко не всегда обусловлены последовательным калькированием.

Показательны ситуации, когда для выражения некоторого значения необходимо выбрать одно из ряда имеющихся в русском языке средств или когда они не имеют формальных аналогов в родном языке. Отклонения, наблюдаемые в этих случаях, отличает внутренняя логика: нестандартный говорящий

пытается самостоятельно найти закономерности и выстроить аналогии в том особенном материале русского языка, которым он оперирует в своей речи.

Таким образом, анализ этих стратегий по материалам учебного корпуса представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, он выявляет неочевидные особенности в употреблении собственно русских категорий и конструкций и, соответственно, помогает внести уточнения в конкретные фрагменты русской грамматики и русских словарей. Во-вторых, он помогает при обучении русскому казахских билингвов, выявляя список типичных ошибок и трудностей для этих учащихся. В-третьих (и это кажется самым интересным), такой анализ добавляет материал для задачи моделирования языкового поведения билингва, в теоретическом плане пока еще очень далекой от окончательного решения.

Библиография

- АКХМЕТЖАНОВА, З. К. (2005), *Funktional'no-semanticheskiye polya russkogo i kazakhskogo yazykov*. V: *Sopostavitel'noye yazykoznanie: kazakhskiy i russkiy yazyki*. Almaty, 121–188. [Ахметжанова, З. К. (2005), *Функционально-семантические поля русского и казахского языков*. В: *Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки*. Алматы, 121–188.]
- BONDARKO, A. V. (red) (2003), *Teoriya funkcional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis*. Moskva. [Бондарко, А. В. (ред.) (2003), *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Москва.]
- BONDARKO, A. V. (2005), *Vid i vremya russkogo glagola*. V: *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskiye issledovaniya*. Moskva, 225–422. [Бондарко, А. В. (2005), *Вид и время русского глагола*. В: *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. Москва, 225–422.]
- ISACHENKO, A. V. (2003), *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim: Morfologiya*. I–II. Moskva. [Исаченко, А. В. (2003), *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*. I–II. Москва.]
- ХИРАКОВСКИЙ, В. С. (2003), *Semantika fazovosti i sredstva yeye vyrazheniya*. V: *Teoriya funkcional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis*. Moskva, 153–180. [Храковский, В. С. (2003), *Семантика фазовости и средства ее выражения*. В: *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Москва, 153–180.]
- KOROTKOVA, N. A./САЙ, С. С. (2006), *Glagol stat' v russkom yazyke: semantika, sintaksis, grammatikalizatsiya*. V: *III konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley*. Materialy. Sankt-Peterburg, 96–101. [Короткова, Н. А./Сай, С. С. (2006), *Глагол *stat'* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация*. В: *III конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Материалы. Санкт-Петербург, 96–101.]
- KRONGAUZ, M. A. (1998), *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika*. Moskva. [Кронгауз, М. А. (1998), *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва.]
- MARKOVA, V. A. (1975), *Samostoyatel'naya rabota uchashchikhsya po izucheniyu morfologii russkogo yazyka v kazakhskoy shkole*. Alma-Ata. [Маркова, В. А. (1975), *Самостоятельная работа учащихся по изучению морфологии русского языка в казахской школе*. Алма-Ата.]

- MASLOV, YU. S. (1984), *Ocherki po aspektologii*. Leningrad. [Маслов, Ю. С. (1984), *Очерки по аспектологии*. Ленинград.]
- MELCHUK, I. A. (1998), *Kurs obshchey morfologii*. Т. II. Moskva/Vena. [Мельчук, И. А. (1998), *Курс общей морфологии*. Т. II. Москва/Вена.]
- MILOSLAVSKIY, I. G. (1981), *Morfologicheskiye kategorii sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva. [Милославский, И. Г. (1981), *Морфологические категории современного русского языка*. Москва.]
- NKRYA (2019), *Natsional'nyu korpus russkogo yazyka*. V: <http://www.ruscorpora.ru>. [НКРЯ (2019), *НКРЯ: Национальный корпус русского языка*. В: <http://www.ruscorpora.ru> [доступ 25.01.2019].]
- ORALBAYEVA, N. (1975), *Kazirgi kazak tilindegi yetistiktiң analitikalыk formantтары*. Almaty. [Оралбаева, Н. (1975), *Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары*. Алматы.]
- POZNYAKOVA, T. YU. (2006), *Russkaya rech' bilingvov: osobennosti vospriyatiya i organizatsii russkogo yazykovogo materiala*. V: *Slavistika: sinkhroniya i diakhroniya*. Sb. n. st. k 70-letiyu I. S. Ulukhanova. Moskva, 625–636. [Познякова, Т. Ю. (2006), *Русская речь билингвов: особенности восприятия и организации русского языкового материала*. В: *Славистика: синхрония и диахрония*. Сб. н. ст. к 70-летию И. С. Улукханова. Москва, 625–636.]
- Russkiy uchebnyu korpus (2019), *Russkiy uchebnyu korpus*. V: <http://www.web-corpora.net/RLC>. [Русский учебный корпус (2019), *Русский учебный корпус*. В: <http://www.web-corpora.net/RLC> [доступ 15.01.2019].]
- SAYKIYEV, KH. M. (1973), *Grammaticheskiye kategorii glagola v russkom i kazakhskom yazyke (k probleme tipologicheskikh issledovaniy)*. Alma-Ata. [Сайкиев, Х. М. (1973), *Грамматические категории глагола в русском и казахском языке (к проблеме типологических исследований)*. Алма-Ата.]
- SHVEDOVA, N. YU. (red.) (1980), *Russkaya grammatika*. Т. 1. Moskva. [Шведова, Н. Ю. (ред.) (1980), *Русская грамматика*. Т. 1. Москва.]
- STOYNOVA, N. M. (2016), *Analiticheskaya konstruktsiya budushchego vremeni. Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki*. V: <http://rusgram.ru/>. [Стойнова, Н. М. (2016), *Аналитическая конструкция будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. В: <http://rusgram.ru> [доступ 25.01.2019].]
- STOYNOVA, N. M. (2017), *Nachinatel'nyu prefiks za-*. Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (rukopis'). [Стойнова, Н. М. (2017), *Начинательный префикс за-*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (рукопись).]
- TURSUNOV, D. T. (1964), *Razvitiye rechi – osnova prakticheskogo obucheniya*. V: *Razvitiye rechi uchashchikhsya-kazakhov*. Alma-Ata, 13–26. [Турсунов, Д. Т. (1964), *Развитие речи – основа практического обучения*. В: *Развитие речи учащихся-казахов*. Алма-Ата, 13–26.]
- VYRENKOVA, A. S./POLINSKAYA, M. S./RAKHILINA, YE. V. (2014), *Grammatika oshibok i grammatika konstruktsiy: «eritazhnyu» («unasledovannyy») russkiy yazyk*. V: *Voprosy yazykozvaniya*. 3, 3–19. [Выренкова, А. С./Полинская, М. С./Рахилина, Е. В. (2014), *Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 3–19.]
- YANDA, L. A. (2012), *Russkiye pristavki kak sistema glagol'nykh klassifikatorov*. V: *Voprosy yazykozvaniya*. 6, 3–47. [Янда, Л. А. (2012), *Русские приставки как система глагольных классификаторов*. В: *Вопросы языкознания*. 6, 3–47.]
- YEVGEN'YEVA, A. P. (red.) (1985), *Slovar' russkogo yazyka*. Т. 1. Moskva. [Евгеньева, А. П. (ред.) (1985), *Словарь русского языка*. Т. 1. Москва.]
- ZALIZNYAK, A./SHMELEV, A. D. (2000), *Vvedeniye v russkuuyu aspektologiyu*. Moskva. [Зализняк, А./Шмелев, А. Д. (2000), *Введение в русскую аспектологию*. Москва.]